

Внизу у подъезда жилого комплекса был пропускной пункт, поэтому Цзян Юй пришлось спуститься, чтобы забрать заказ. Он осторожно спустился по лестнице, тихо закрыл дверь, убедившись, что не разбудил Лу Люкуна, и сел в лифт.

Затем с лёгким звонком открывающейся двери он поднял глаза и увидел Лу Люкуна, который стоял у пропускного пункта и смотрел на курьера.

«Неудачный день», — подумал он.

Судя по всему, Лу Люкун забыл что-то в машине и только что вернулся с парковки. Он держал в руках небольшую квадратную коробку, и через отверстия в ней Цзян Юй предположил, что это были коллекционные диски с классической музыкой.

Увидев друг друга, они одновременно отступили на шаг.

Цзян Юй был слегка смущён, так как заказал острое блюдо ночью, что не очень подходило для артиста, который должен следить за питанием. Почему Лу Люкун отступил, оставалось загадкой. Цзян Юй нервно засмеялся, осторожно взял заказ у курьера и спрятал его за спину:

— Какое совпадение.

Лу Люкун кивнул.

Они вместе вошли в лифт и одновременно подняли глаза, чтобы посмотреть на меняющиеся цифры на дисплее, словно верующие, созерцающие свет Будды.

Когда лифт остановился на пятом этаже, Лу Люкун первым шагнул наружу, отсканировал отпечаток пальца, снял обувь и направился вверх с такой скоростью, что это могло бы стать примером для военной подготовки. Он торопился, словно за ним гнались зомби, и затем с громким хлопком закрыл дверь своей спальни.

Цзян Юй подумал: «Что за дела у Лу Люкуна? Почему он так торопится?»

Теперь он уже не чувствовал себя виноватым за свой заказ и с любопытством посмотрел на лестницу.

Затем он сел за стол, взял палочки для еды. Хозяин заведения, видимо, не понял, как сделать острое блюдо без остроты и специй, и на поверхности плавала красная плёнка из перца. Цзян Юй почувствовал тошноту. Хотя он ничего не пил, в горле появилось ощущение жжения.

Внезапно ему показалось, что он видит мерцающие огни и чувствует запах дешёвого табака, как в баре.

Цзян Юй глубоко вздохнул и начал вылавливать перец, думая, не стоит ли налить себе стакан воды.

В этот момент сверху раздался звук открывающейся двери, и Лу Люкун снова появился.

Он ещё не успел переодеться и всё ещё был в серебристо-сером костюме, с чёрными очками на носу. Его движение по лестнице напомнило Цзян Юю герцога, прогуливающегося по винтовой лестнице в старинном замке.

На этот раз Лу Люкун не выглядел смущённым.

«Показушник», — подумал Цзян Юй, держа палочки в зубах.

Лу Люкун сел напротив него, держа в руках журнал на иностранном языке, но не стал его читать. Вместо этого он поправил очки и спросил:

— Ты плохо поел вечером?

Обед обошёлся почти в 5 000, и признать, что он не наелся, было бы слишком невежливо. Цзян Юй промямлил:

— Нет, просто проголодался.

Лу Люкун взглянул на часы:

— Сейчас полночь.

Цзян Юй уже чувствовал лёгкую боль в желудке и ответил:

— А что, в полночь нельзя есть?

Лу Люкун сказал:

— Есть поздно вредно для желудка. К тому же как артисту тебе нужно следить за питанием и калориями. Острое блюдо ночью не поможет поддерживать форму.

Цзян Юй подумал: «Я так и знал».

В старшей школе Лу Люкун был отличником, который боролся за каждую оценку, и его стремление к победе было в крови. Теперь, когда он стал его менеджером, Лу Люкун, несомненно, будет следить за ним во всём.

Но на этот раз Цзян Юй действительно был неправ. Он отодвинул острое блюдо, пытаясь добиться снисхождения:

— Господин Лу, это же мой первый день после подписания контракта. Сделай исключение, только один раз. У меня действительно проблемы с желудком, больше не буду, ладно?

Лу Люкун закрыл журнал, украдкой взглянув на красный суп перед Цзян Юем, и нахмурился:

— Если у тебя проблемы с желудком, зачем ты ешь это?

Цзян Юй действительно чувствовал себя плохо, боль была схваткообразной, как у девушек во время месячных. Если бы Лу Люкуна не было рядом, он бы уже свернулся калачиком где-нибудь в углу. Видя, что Лу Люкун не уступает, он с лёгким раздражением прошёл мимо него на кухню, чтобы налить воды:

— Не лезь, я обещаю, это в последний раз, больше не повторится.

— Цзян Юй.

Лу Люкун вдруг позвал его.

Цзян Юй остановился, но не обернулся.

— Есть острое ночью — это слишком много калорий, это может повлиять на твою форму. Я не хочу, чтобы мой артист терял форму.

Цзян Юй продолжал делать вид, что не слышит.

Лу Люкун содрогнулся, опустил глаза и уставился на маленькую щель между досками пола.

— Цзян Юй.

Его голос слегка дрожал:

— Я приготовлю тебе лапшу. Ты будешь есть?

Цзян Юй никак не ожидал, что когда-нибудь увидит, как такой человек, как Лу Люкун, готовит еду.

Лу Люкун уже снял пиджак, галстук лежал рядом, а рукава рубашки были закатаны до локтя, обнажая мускулистые предплечья.

Цзян Юй сидел на стуле, потягивая горячее молоко, которое дал ему Лу Люкун, и держал в руке маленький кусочек пирожного. Через стеклянную дверь кухни он наблюдал, как Лу Люкун ловко бросает в кастрюлю пучок зелёного лука.

Горячее молоко только что достали из холодильника и разогрели в микроволновке за две минуты.

Пирожное тоже было из холодильника. Хотя сам Лу Люкун был человеком строгим и аккуратным, его холодильник оказался удивительно уютным. Там были овощи, мясо, яйца, молоко и даже небольшие порции десертов, украшенные клубникой и мятой.

Цзян Юй не любил пирожные, но, видимо, в ночное время люди становятся более сентиментальными. Он вдруг вспомнил, как в детстве отмечал дни рождения.

Его семья в то время не была бедной, и на день рождения всегда был торт. Тогда он считал, что сладости слишком приторные, и обычно съедал только пару кусочков, снимая сверху кусочки персика, а остальное доедала его мама. Теперь, спустя годы, он не ел этот сладкий десерт уже семь или восемь лет. И вот сегодня, глядя на него, он вдруг захотел попробовать. Поэтому, прислонившись к двери холодильника, он спросил Лу Люкуна:

— Можно взять пирожное? Вычти из зарплаты.

Лу Люкун ещё не успел ответить, как Цзян Юй усмехнулся про себя, думая, что есть острое блюдо и пирожное ночью — это одинаково калорийно, и никто не сможет потолстеть больше другого. Лу Люкун вряд ли согласится.

Но Лу Люкун, не поворачиваясь, сказал:

— Бери.

Цзян Юй удивился:

— А?

Лу Люкун обернулся, и в его янтарных глазах за очками мелькнуло что-то неопределённое. Он

повторил:

— Бери.

Цзян Юй ответил:

— Хорошо.

Хотя он не понимал, почему Лу Люкун так резко изменился, Цзян Юй без колебаний выбрал самое аппетитное пирожное. В креме, казалось, была добавлена кофейная пудра, и сладость слегка отдавала горечью, что не делало его приторным. Вкус идеально сочетался с бисквитом, и весь вкус был пропитан кремом.

Он без колебаний похвалил:

— Вкусно! Где ты это купил?

Лу Люкун не стал отвечать на его вопрос. Он выложил лапшу из кастрюли в белую фарфоровую миску, полил томатным соусом и протянул Цзян Юю:

— Ешь быстрее.

Цзян Юй, прихлёбывая молоко через трубочку, чувствовал себя необычайно хорошо благодаря сладостям и молоку. Он улыбнулся, и его глаза сузились:

— Ладно, спасибо, господин Лу. Я ошибался, извини.

— В чём ошибался? В том, что я тебя морил голодом и эксплуатировал? — Лу Люкун сказал:

— Подожди, будет время, когда я тебя эксплуатирую.

Его тон был спокойным, без намёка на угрозу.

Он накинул пиджак на руку, выбросил острое блюдо Цзян Юя в мусорное ведро и, обернувшись, посмотрел на него:

— Поешь и ложись спать. Завтра утром идём в компанию.

Цзян Юй отдал честь:

— Хорошо.

Он медленно доел лапшу, помыл посуду и, лёжа в кровати, ворочался, пока не выпустил томатный отрыжку. Затем он достал телефон и обновил статус, доступный только для избранных.

[Эх, живу за чужой счёт, ем чужую еду. Я думал, что мы просто артист и менеджер, но чувствую, что меня содержат].

На следующий день в девять утра они должны были отправиться в компанию, поэтому Цзян Юй поставил будильник на восемь. Когда он выключил его и открыл телефон, на уведомлениях был большой красный кружок.

Десятки сообщений были ответами на его вчерашний статус. Ли Баобао и Чжан Инцай,

которые знали лишь часть правды, начали обсуждать это в группе «Борьба с порнографией и незаконной деятельностью». Тема была примерно такой: «Твёрдая воля Рыбы тоже оказалась развращена злым капиталистом». «Враги не шутят, нам нужно вооружиться до зубов социалистическими ценностями».

Цзян Юй напечатал:

— Отвалите.

Также было одно личное сообщение от Хэ Цзыаня:

— Брат, что случилось?

<http://bllate.org/book/16317/1472269>